

Глава 35. День рождения

Вопрос Чу Вэя заставил Хуа Жуна на мгновение замолчать. Наконец он коснулся головы юноши и мягко произнёс:

— Возможно, дело в темноте. Неважно.

Были вещи, которые юноша перед ним ещё не до конца осознал, и сейчас было неподходящее время, чтобы о них говорить.

Чу Вэй безгранично доверял своему учителю. В его сердце Учитель был подобен несокрушимой горе — величественной и недостижимой.

После ухода Учителя Чу Вэй вернулся в общежитие.

Вечерние занятия уже закончились, в комнатах горел свет, и по коридорам взад-вперёд сновали люди.

Время перед отбоем всегда было самым шумным в общежитии: кто-то ходил в гости, кто-то болтал — в общем, царил галдёж.

Чу Вэй выбрал тёмный угол, не освещённый фонарями, и неторопливо поднялся на свой этаж.

Хуа Хайцзюнь был в душе. Чу Вэй снял верхнюю одежду, собираясь тоже ополоснуться и лечь спать, но не успел он стянуть рубашку, как снаружи донеслись громкие крики.

Судя по звуку, шум доносился с верхнего этажа.

Молодые парни были полны энергии. Несмотря на напряжённую учёбу, у них каждый день оставались силы, которые требовали выхода. Драки случались чуть ли не каждые два-три дня, так что в этом не было ничего удивительного.

Рука Чу Вэя лишь на мгновение замерла, после чего он открыл шкаф и достал пижаму.

Однако шум становился всё громче, и теперь его было отчётливо слышно даже через этаж.

— Чего ты выпендриваешься? Чу Вэй на тебя даже не смотрит, а ты всё строишь из себя невесть что!

— Чэн Даню, ты что, до сих пор думаешь, что за тебя кто-то заступится?

Рука Чу Вэя, державшая одежду, замерла. Он убрал пижаму обратно в шкаф и открыл дверь комнаты.

Голоса стали ещё отчётливее.

— Мне не нужно, чтобы он за меня заступался! Но если вы не извинитесь, я с вами не закончу!

— Смешно! А ты кто такой, чтобы мы перед тобой извинялись? Губа не дура!

— Не переходите черту!

— А вот и перейдём! Что ты сделаешь? Побежишь жаловаться учителю? Такой взрослый, а только и знаешь, что ябедничать. Тьфу!

Чу Вэй молчал.

После начала учебного года Чэн Даню из-за плохих результатов на выпускных экзаменах перевели из первого класса в третий, а его общежитие сменилось с четвёртого этажа на пятый. Они почти перестали общаться.

После того разговора на зимних каникулах Чэн Даню, казалось, окончательно порвал с ним все связи.

Раньше у Чу Вэя не было друзей, и он всегда считал его лучшим другом.

Но порой слово «друг» несёт в себе чувства, которые не выдерживают и малейшей проверки. Стоит появиться трещине, и она уже никогда не затянется.

Чем больше дорожишь, тем требовательнее становишься.

Наверху послышались беспорядочные шаги — судя по всему, началась драка.

Драки были обычным делом. Чу Вэю даже стало лень прислушиваться. Все эти примитивные приёмы вроде таскания за волосы и ударов по лицу были ниже его достоинства.

— Ван Юйдун, что ты делаешь?! Ты с ума сошёл?! Упасть отсюда — это верная смерть! Это пятый этаж!

— Быстро оттащи его! Прекратите драться!

— Сегодня я преподам тебе урок, или я не Ван! Ну, давай, выпендривайся дальше! Посмотрим, придёт ли тебе кто-нибудь на помощь!

На балконе пятого этажа половина тела Чэн Даню уже висела снаружи. Ван Юйдун давил на него всем весом, и ноги парня почти оторвались от пола, потеряв опору.

Глаза Ван Юйдуну налились кровью. С перекошенным, словно одержимым, лицом он одной рукой вцепился в шею Чэн Даню, а другой оперся о перила, продолжая выталкивать его наружу.

— Тебя просто вышвырнули из первого класса, с чего ты тут выпендриваешься? Такой крутой? Так оставался бы в первом классе! Или, может, тебе тоже стоило заплатить, чтобы купить себе место?

— Ах да, я забыл. Твоя семья настолько нищая, что после школы ты, наверное, пойдёшь батрачить.

Чэн Даню задыхался. Рука, сжимавшая его шею, была невероятно сильной, он не мог её оторвать. Ощущение, когда твоё тело висит в пустоте, было ужасным. Ещё немного — и он сорвётся вниз.

Но он не мог вымолвить ни слова, лишь отчаянно боролся, пытаясь вдохнуть.

Судорожно дёргая ногами, он случайно за что-то зацепился, и его тело перевалилось через край балкона.

Ван Юйдун в тот же миг словно очнулся, но успел лишь ухватиться за его ботинок, беспомощно глядя, как тот падает вниз.

В одно мгновение уши заложило от пронзительных криков. В и без того шумном общежитии воцарился настоящий хаос.

В момент падения Чэн Даню и подумать не мог, что его жизнь оборвётся именно так.

Высота в пятнадцать метров превратит его в лепёшку. Он не успел ничего сказать, мысли путались.

В тот миг, когда он уже зажмурился, готовясь встретиться с Янь-ваном, резкая боль пронзила руку. Ощущение падения внезапно сменилось зависанием в пустоте, заставив его инстинктивно распахнуть глаза.

Чэн Даню в изумлении поднял голову и увидел лицо — лицо Чу Вэя.

С балкона четвёртого этажа, свесившись вниз, его крепко держал за руку Чу Вэй. На тыльной стороне ладони юноши от напряжения вздулись вены, отчётливо проступая под бледной кожей.

Чэн Даню застыл, даже не осознав боли от вывихнутого плеча.

Как он мог спасти его? Разве он не должен был его ненавидеть и больше никогда с ним не разговаривать?

Чу Вэй выглядел худым и хрупким, но сила в его руке была поразительной. Чэн Даню, рослый парень, весил не меньше шестидесяти килограммов.

Но Чу Вэй одной рукой сумел удержать его и затащить на балкон. При этом его предплечье проехалось по краю ограждения, содрал большой кусок кожи.

Оба рухнули на пол. Чу Вэй инстинктивно отстранился на несколько шагов.

Все были в шоке. Обитатели комнаты, где всё произошло, и вовсе остолбенели. Они даже не заметили, как Чу Вэй ворвался к ним в комнату и безошибочно схватил Чэн Даню.

Кожа у Чу Вэя всегда была очень бледной, и сейчас, в простой белой футболке, содранная кожа на руке выглядела особенно страшно. Кровь быстро выступила, смешиваясь с цементной крошкой с края балкона.

Все тут же бросились к нему.

— Чу Вэй, у тебя рука ранена!

— Как много крови! Кость не задета? У кого-нибудь есть салфетки? Нужно сначала вытереть кровь!

Услышав шум, сбежались и другие ученики, запрудив комнату так, что яблоку негде было упасть.

Чу Вэй посмотрел на столпившихся у двери людей и встряхнул рукой.

Такая мелочь, а сколько шума.

Чэн Даню, сидевший на полу, держась за вывихнутую руку, с трудом поднялся.

Только что он не чувствовал страха, но теперь, вспоминая тот роковой миг, он ощутил, как

дрожат ноги.

Если бы не Чу Вэй, он бы действительно отправился на тот свет.

У Чэн Даню ком подступил к горлу, но он не мог вымолвить ни слова.

Не успел он ничего сказать, как толпа окружила Чу Вэя и повела его прочь, охая и ахая, словно он не кожу содрал, а вот-вот должен был родить.

Но ему нечего было сказать. Даже та капля горечи, что зародилась в душе, испарилась.

Чу Вэй даже не взглянул на него. Просто ушёл.

«Чэн Даню, ты это заслужил».

Чу Вэя проводили до самой комнаты. По пути он отверг помощь ученика А, который пытался его поддержать, ученика Б, который хотел нести его на спине, и ученика В, который собирался вызывать скорую. Наконец, оказавшись у своей двери, он с трудом сумел выпроводить толпу энтузиастов и закрыть за ними дверь.

Вместе с ними за дверью остался и шум.

Хуа Хайцзюнь как раз вышел из ванной и, увидев окровавленную руку Чу Вэя, застыл с открытым ртом.

— Ты где это так? Пришельцы тоже могут пораниться?

Чу Вэй едва сдержался, чтобы не закатить глаза.

Поскольку он редко получал травмы, в общежитии не было никаких лекарств, не говоря уже о дезинфицирующих средствах.

Он подошёл к раковине, открыл кран и направил струю воды прямо на рану.

— Промывать рану водой может привести к заражению! У тебя хоть какие-то элементарные знания есть?

Хуа Хайцзюнь, заметив это, подскочил и тут же выключил воду.

Чу Вэй нахмурился:

— Грязно.

На ране всё ещё оставалась цементная крошка, и это было неприятно.

— Всё равно нельзя водой! — возразил Хуа Хайцзюнь. — Нужно обрабатывать йодом, понял?

Но где найти йод посреди ночи? Даже школьный медпункт уже был закрыт.

В дверь настойчиво постучали. Хуа Хайцзюнь открыл.

На пороге стоял их одноклассник.

— Вот йод, вот бинт. У нашего соседа Сяо У недавно была травма ноги, он покупал, осталось. Этот йод в спрее. Рана Чу Вэй...

Хуа Хайцзюнь тут же забрал медикаменты:

— Это как нельзя кстати! Спасибо тебе!

Одноклассник был довольно застенчивым и неразговорчивым, поэтому от слов Хуа Хайцзюня он смутился.

— Да не за что, мы же одноклассники. Чу Вэй нам всегда с домашкой помогает. Скорее обработайте ему рану.

Хуа Хайцзюнь не стал закрывать дверь и усадил Чу Вэя за стол.

Только теперь он увидел, насколько большой была ссадина: от локтя до запястья предплечье было почти полностью содрано.

Но Чу Вэй даже бровью не повёл, словно не чувствовал боли.

Хуа Хайцзюнь уже собирался приступить к обработке, как вдруг Чу Вэй ощутил знакомое колебание духовной энергии. Это был Учитель!

Он огляделся, но никого не увидел. И тут сидевший перед ним Хуа Хайцзюнь произнёс тоном, совершенно ему не свойственным:

— Куда смотришь? Я здесь.

Чу Вэй недоверчиво прошептал:

— Учитель?

Хуа Хайцзюнь поднял голову. В его взгляде сквозило непривычное безразличие, такое знакомое.

Это действительно был Учитель.

Чу Вэй был ошеломлён.

Учитель холодно хмыкнул.

— И надолго я тебя оставил, чтобы ты успел довести себя до такого состояния?

Признаться, слышать такие слова от человека с лицом Хуа Хайцзюня было довольно странно.

Чу Вэй смотрел на него, но Учитель уже взял его руку и, смочив ватный тампон йодом, начал аккуратно обрабатывать рану.

Чу Вэй почувствовал, что должен что-то сказать, но, глядя на это лицо, не мог вымолвить ни слова.

Он лишь тихо спросил:

— Учитель, как вы здесь?

Хуа Жун не ответил, продолжая с предельной осторожностью очищать рану.

Йод почти не щипал, но когда ватный тампон касался содранной кожи, всё равно было больно.

Чу Вэй тихонько шикнул, и Хуа Жун тут же стал действовать ещё нежнее.

— Теперь-то больно? А раньше о чём думал?

Чу Вэю стало любопытно.

— Учитель, вы можете вселяться в других людей? — тихо спросил он.

Хуа Жун, тщательно промывая рану, ответил:

— Лишь на короткое время. Долго я так не могу.

Чу Вэй хотел было спросить что-то ещё, но у двери их комнаты появился человек.

Чэн Даню стоял на пороге, придерживая руку, и молча смотрел на Чу Вэя.

Хуа Жун мельком взглянул на него и, не удостоив вниманием, продолжил своё занятие.

Его движения были невероятно лёгкими и нежными. Он смотрел на рану с такой сосредоточенностью, словно это была не рука, а какое-то бесценное сокровище.

Чу Вэй тоже не хотел с ним разговаривать и придвинулся ближе к Хуа Жуну.

— Это пустяковая рана, через пару дней заживёт. У меня организм крепкий.

Услышав это, Хуа Жун легонько стукнул его по голове.

— Крепкий организм — значит, можно над собой издеваться?

Чу Вэй понимал, что Учитель беспокоится о нём, и поспешно сказал:

— Простите, я был неправ. Это была инстинктивная реакция. Пройти мимо и не спасти — это же против принципов чести, совесть бы замучила.

Хуа Жун хмыкнул:

— Совесть? Совесть на хлеб не намажешь. Тебя, я смотрю, ругать надо.

Чу Вэй всегда относился к учителю с почтением и никогда не смел перечить, когда тот его отчитывал. Он послушно принимал упрёки.

Чэн Даню стоял у двери и смотрел на них.

Он пришёл поблагодарить, но, стоя на пороге, так и не решился войти.

Между этими двумя ощущалась какая-то аура, не позволявшая никому вторгнуться в их пространство.

Взгляд, которым Хуа Хайцзюнь смотрел на Чу Вэя, послушание, с которым Чу Вэй его слушал...

В его голове мелькнула невероятная догадка.

Неужели они... в таких отношениях?

Чэн Даню вдруг почувствовал, что вывихнутая рука больше не болит. В душе бушевала буря.

Слова благодарности так и не были сказаны. Он в ужасе попятился и, спотыкаясь, исчез за дверью.

Такой человек не заслуживал внимания Хуа Жуна, но он знал, что на душе у его юноши не так спокойно, как кажется.

Он отложил йод, взял бинт и аккуратно перевязал наиболее пострадавшие участки.

— Будь на его месте кто-то другой, ты бы, наверное, тоже бросился на помощь.

Как в тот раз, когда одноклассница прыгала с крыши, и Чу Вэй бросился вперёд быстрее всех.

Чу Вэй кивнул.

— Учитель прав.

— Тогда и относись к нему, как к любому другому, — сказал Хуа Жун. — В жизни иногда полезно быть немного более чёрствым.

Учитель молча закончил перевязку и ущипнул его за щеку.

— В следующий раз будь осторожнее, не доводи себя до травм. Переживать-то твоему учителю.

Сказав это, Хуа Жун, видимо, исчерпал силы своего духовного тела. Духовная энергия дрогнула, и он исчез.

Хуа Хайцзюнь встряхнул головой.

— Странно, у меня такое чувство, будто я отключился.

Он увидел перевязанную руку Чу Вэя и ещё не убранный бинт и застыл.

— Это... я сделал?

Чу Вэй посмотрел на него и серьёзно покачал головой.

— Нет. В тебя только что вселялись.

У Хуа Хайцзюня по коже побежали мурашки. Он снова и снова осматривал свои руки, щупал лицо и спрашивал:

— Он ещё здесь? Я — это я? Чу Вэй, посмотри!

Чу Вэй покачал головой, вдруг остро ощутив тоску по только что ушедшему учителю.

На следующий день в школе прошло общее собрание. Ван Юйдун и Чэн Даню строго отчитали за драку, а Чу Вэя похвалили за спасение одноклассника и даже выдали премию в пятьсот юаней.

На эти деньги Чу Вэй купил всему классу мороженое в честь начала лета.

Но на этом история не закончилась. На следующий вечер Ван Юйдун снова словно обезумел и подрался с одноклассником, едва не задушив парня из соседней комнаты. На этот раз ученики того же этажа позвали коменданта, который в тот же вечер доложил о случившемся дежурному учителю.

Учитывая, что Ван Юйдун дважды участвовал в драках, едва не приведших к смерти одноклассника, школа потребовала его отчисления, чтобы он больше не представлял угрозы для безопасности учеников.

До выпускных экзаменов оставалось совсем немного, а Ван Юйдун отчисляли. Он сам был в отчаянии, но его родители не желали с этим мириться.

— Что значит, мой сын участвовал в драке и чуть не убил кого-то? Никто же не умер!

— У вас есть доказательства? Как вы можете обвинять его в убийстве?

На следующий день после вынесения решения — в день рождения Чу Вэй — родители Вана устроили в школе скандал. Они не только шумели, но и развернули самодельный плакат, обвиняя школу в несправедливом наказании.

Рано утром в день своего рождения Чу Вэй получил от Хуа Жуна красный конверт с деньгами и поздравления с совершеннолетием.

Чу Вэй с радостью принял подарок, но в душе было лёгкое сожаление.

Надо было уговорить Хуа Жуна приехать и отпраздновать день рождения вместе. Ведь восемнадцать лет бывает только раз в жизни.

Но потом он подумал, что уже взрослый, а ведёт себя как ребёнок, и подавил это желание.

Утренние уроки пролетели быстро, и вскоре наступил обеденный перерыв.

Хуа Хайцзюнь свалил все вещи со стола в ящик, лениво потянулся, зевнул и поплёлся к выходу.

— Когда ты уже научишь меня не засыпать на уроках?

Чу Вэй покосился на него.

— Когда перестанешь до ночи зависать в телефоне, тогда, может, и перестанешь клевать носом.

Хуа Хайцзюнь замер и тут же нашёл оправдание:

— Это другое! Отдых и работа должны чередоваться, так и учиться легче. Без нормального расслабления в таком бешеном ритме, как в последнем классе, можно и с ума сойти.

Чу Вэй снисходительно кивнул.

— Если ты так считаешь, то пусть так и будет.

Мысль о том, что после экзаменов в следующем месяце он наконец-то освободится, тут же подняла Хуа Хайцзюню настроение.

— Я в жизни так не старался. Если бы не ты, мой экономный и не требующий затрат сосед, я

бы и не напрягался.

— То есть, я ещё и должен тебя благодарить за оказанную честь? — хмыкнул Чу Вэй.

— Естественно!

«Если бы я тебя не ценил, дядя содрал бы с меня шкуру и выбросил на необитаемый остров. На это он точно способен».

Едва они вошли в столовую, как услышали со всех сторон обсуждения, и главной темой был, конечно же, Ван Юйдун.

— Ван Юйдун ведь не в первый раз дерётся. На прошлой неделе он же сцепился с парнем из параллельного класса, и учитель их застукал.

— Раньше он не был таким вспыльчивым. Что с ним случилось за последний месяц?

— Может, из-за стресса перед экзаменами? Но ведь все в таком же положении.

— А его родители ещё и посмели прийти в школу скандалить. Сейчас они перекрыли главный вход, никого не пускают и не выпускают.

— Я тоже видел. Похоже, школа вызовет полицию.

Чу Вэй прислушался и замер.

Это был уже третий раз, когда он слышал имя Ван Юйдуна.

Первый раз — в вечер драки с Чэн Даню, второй — когда его публично отчитывали в школе, и вот теперь третий.

Есть странная закономерность: когда имя человека повторяется трижды или больше, ты невольно начинаешь обращать на него внимание.

В обед Чу Вэй собирался выйти из школы. У него закончились кое-какие канцтовары, нужно было купить новые, заодно он хотел выбрать себе подарок на день рождения.

Пусть даже какую-нибудь мелочь, но это всё-таки был его день рождения.

Однако он не ожидал, что, не дойдя до ворот, услышит оглушительный шум, который доносился даже до учебного корпуса.

Школа была небольшой, так что не услышать было невозможно.

— Вы же всю жизнь моей семье губите! Экзамены на носу, а вы моего сына отчисляете! Что у вас на уме?!

— Бессовестная школа! Несправедливость! Сегодня мы не уйдём, пока не добьёмся правды! Никто отсюда не выйдет!

— Хотите пройти? Только через мой труп!

— Это дело требует разбирательства!

Главные ворота школы были заблокированы. Никто не мог ни войти, ни выйти.

Чу Вэй не собирался вмешиваться. Увидев заблокированный вход, он повернул, нашёл безлюдный угол и в несколько шагов перемахнул через стену.

Купив канцтовары, Чу Вэй побродил по магазинам, но так и не нашёл ничего, что хотел бы себе в подарок, и решил вернуться.

Однако скандал у школьных ворот всё ещё не утихал.

Дело Ван Юйдуна было непростым. До экзаменов оставалось чуть больше полугода, и отчисление сейчас означало, что он не сможет их сдать. Возможно, уже никогда.

Но той ночью он действительно чуть не убил Чэн Даню. Если бы он не был несовершеннолетним, ему бы наверняка предъявили обвинение в умышленном убийстве.

У ворот, помимо зевак, стояли две полицейские машины и фургон телеканала.

Чу Вэй повернул, собираясь уйти, но тут услышал, как кто-то зовёт его по имени.

— Мастер Чу? Чу Вэй, это действительно ты!

Окликнувшим его был не кто иной, как офицер полиции уезда Цин, Сунь Цянь.

Ему определённо везло на встречи с офицером Сунем.

Чу Вэй кивнул.

— Офицер Сунь.

Сунь Цянь был несказанно рад видеть Чу Вэя. С момента их последней встречи по тому делу прошло уже больше полугода. К счастью, за это время в уезде Цин всё было спокойно.

Максимум — ловили кур, искали собак да задерживали мелких воришек.

Сунь Цянь посмотрел на толпу у ворот и вздохнул.

— Посмотри, что творится. Не знаю, в курсе ли ты, но мне сейчас очень нужна помощь.

Чу Вэй ответил:

— А в чём тут помогать? Это же нарушение общественного порядка.

Сунь Цянь кивнул.

— Это так, но выпускные экзамены — дело серьёзное. У школы нет конкретных доказательств того, что Ван Юйдун нападал, поэтому его семья продолжает скандалить. Любая попытка их остановить заканчивается угрозами самоубийства. Теперь ещё и телевидение приехало. У меня голова кругом.

Возможно, из-за того, что Чу Вэй выглядел слишком зрелым, говорил и действовал с убедительностью, да и в магии был силён, Сунь Цянь совершенно не воспринимал его как подростка.

Он общался с ним как со взрослым.

Чу Вэй посмотрел на школьные ворота, вздохнул и медленно снял с себя куртку.

— Это...

Взгляд Сунь Цяня упал на руку Чу Вэя. Там уже образовалась корочка — было похоже на ссадину.

Чу Вэй объяснил:

— В ту ночь Чэн Даню упал с пятого этажа. Я его удержал. Чэн Даню — это тот, с кем подрался

Ван Юйдун.

Сунь Цянь замер.

— Почему тогда не вызвали полицию?

Чу Вэй пожал плечами и снова надел куртку.

— Кто знает.

Это его не касалось.

— То есть, в ту ночь Ван Юйдун действительно столкнул Чэн Даню, но ты его спас, и поэтому он выжил... Если бы ты его не удержал...

При этой мысли Сунь Цянь всё понял.

Он кивнул Чу Вэю.

— Спасибо за информацию. Теперь я знаю, что делать.

Затем Сунь Цянь решительно взмахнул рукой, и Ван Юйдуна арестовали.

Семья Ван была в шоке. Они просто хотели устроить скандал, чтобы школа отменила приказ об отчислении. Как полиция могла вмешаться и арестовать их сына?

Это же... это же просто конец!

Сунь Цянь с суровым лицом обратился к семье Ван:

— Ван Юйдун подозревается в покушении на убийство. Прошу вас содействовать следствию.

Теперь скандал переместился от школьных ворот к дверям полицейского участка.

Чу Вэй наблюдал за всем издали, не желая вмешиваться.

Когда толпа рассеялась и движение у ворот восстановилось, обеденный перерыв уже закончился.

После уроков все только и обсуждали дело Ван Юйдун. Слухи передавались из уст в уста, и в итоге Ван Юйдун превратился в жестокого маньяка, для которого человеческая жизнь — ничто.

Пошли даже разговоры, что он уже убивал раньше, просто этого никто не выяснил.

Нелепо до абсурда.

Но Чу Вэя это не касалось. Он просто хотел спокойно досидеть до конца уроков и поздно ночью улизнуть к Учителю.

Учитель сказал, что приготовил ему подарок на совершеннолетие, и он был в предвкушении.

Но он никак не ожидал, что ещё до окончания уроков его заберут в полицейский участок.

В полицейском участке Ван Юйдун, воспользовавшись моментом, напал на офицера. Говорили, что он был невероятно агрессивен, неконтролируем, набрасывался на всех подряд и при этом рычал, словно... одержимый.

С таким они справиться не могли, а Цинь Сяочэн уже давно перевёлся.

Первым, о ком подумал Сунь Цянь, был Чу Вэй. В таких делах он был специалистом. Он тут же отправил за ним машину.

Полицейский участок уезда Цин находился в двадцати минутах езды от школы. Чу Вэя привезли на полицейской машине. Кто не знал, мог подумать, что он что-то натворил.

«Вот так день рождения», — с досадой подумал Чу Вэй.

Если это действительно одержимость, то сущность очень сильна.

В полицейском участке служат блюстители закона, это место с самой сильной концентрацией положительной энергии и праведности. Обычные духи не осмелились бы здесь буяннить. Слабый призрак мог бы и вовсе сгореть от одной только ауры этого места.

А тот, что вселился в Ван Юйдун, разбушевался в таком месте — значит, он точно не из слабаков.

Когда машина остановилась у полицейского участка, Чу Вэй не почувствовал ничего необычного.

Когда Сунь Цянь провёл его через несколько коридоров к комнате для допросов, всё также было спокойно.

Чу Вэй нахмурился. Может, это не нечисть, а у самого Ван Юйдун проблемы с головой?

В комнате для допросов Ван Юйдун сидел, низко опустив голову. Руки его были в наручниках, а тело обвязано верёвками — видимо, боялись, что он снова взбесится.

За последние несколько дней Чу Вэй много раз слышал имя Ван Юйдун, но видел его впервые.

Ван Юйдун был высоким, кажется, даже выше него, и немного полноватым. Сидя на стуле, он напоминал гору.

Но странно, Чу Вэй не видел на нём и следа присутствия нечисти.

Он с сомнением посмотрел на Сунь Цяня.

— Может, вы что-то напутали? Я не чувствую ничего аномального.

Сунь Цянь тоже был в замешательстве.

— Но днём, когда он взбесился, он никого не узнавал, набрасывался на всех, даже на полицейских. И силы у него было немерено. Несколько наших сотрудников еле его скрутили.

— Может, у него какое-то заболевание? — предположил Чу Вэй. — Например, приступ агрессии.

Сунь Цянь покачал головой.

— Мы говорили с его родными. Парень всегда был нормальным, никогда ни на кого не нападал. Его родители до сих пор не верят в то, что мы им рассказываем.

Ван Юйдун сидел, опустив голову. Длинные волосы падали на лицо, скрывая его выражение.

— Я могу войти и посмотреть на него? — спросил Чу Вэй.

Сунь Цянь кивнул и открыл для него дверь, предупредив:

— Будь осторожен.

Сунь Цянь, глядя, как тот входит, всё же забеспокоился, последовал за ним и закрыл дверь.

— Ван Юйдун, — тихо позвал Чу Вэй.

Тот не ответил, продолжая сидеть неподвижно, словно спал.

В комнате для допросов не было окон. Лампа дневного света на потолке заливала всё белым светом, освещая фигуру Ван Юйдуна.

Вокруг стояла звенящая тишина.

Чу Вэй чувствовал, что что-то не так, но не видел ничего необычного.

Мир живых и мир духов для него были открыты. Любую сущность, отмеченную энергией Инь, он бы увидел.

Но на Ван Юйдуне ничего не было. Совершенно ничего.

Чу Вэй подошёл ближе и остановился перед ним.

— Ван Юйдун, ты в порядке? — снова позвал он.

— Не подходи слишком близко, — напомнил сзади Сунь Цянь. — Он сейчас опасен.

Чу Вэй хотел было сказать, что всё в порядке, он соблюдает осторожность, как вдруг Ван Юйдун, до этого сидевший неподвижно, резко вскинул голову и бросился на него.

Наручники зазвенели, верёвки, которыми он был связан, натянулись до предела.

Если бы стул под ним не был прикручен к полу, он бы, наверное, так и набросился на него вместе со стулом.

Чу Вэй молниеносно отступил на два шага.

Он наконец-то увидел лицо Ван Юйдуна, но это уже нельзя было назвать нормальным лицом.

Глаза Ван Юйдуна глубоко запали, под ними чернели круги, губы посинели, а всё лицо приобрело сероватый, мертвенный оттенок. Он выглядел не лучше покойника.

Словно пойманный в клетку зверь, он дёргался, не обращая внимания на то, как наручники впиваются в запястья, и продолжал рваться вперёд, желая разорвать Чу Вэя на куски.

Это определённо было ненормальное состояние.

Чу Вэй извлёк из пальцев успокаивающий талисман и резко приложил его ко лбу Ван Юйдуна. Талисман вспыхнул слабым светом, и буйный парень тут же успокоился, рухнул на стул и закрыл глаза.

Сунь Цянь отшатнулся от испуга.

— Мастер Чу, что вы думаете?

Чу Вэй снова подошёл к нему, но на этот раз распахнул его одежду.

На шее у Ван Юйдуна висел деревянный амулет, изображавший, на первый взгляд, бодхисаттву, а на груди виднелись три яркие красные родинки, настолько алые, что казалось, вот-вот начнут кровоточить.

Сунь Цянь замер.

— Что это такое?

Лицо Чу Вэя помрачнело.

— Это родинки красоты, — глухо сказал он.

— Родинки красоты?

Чу Вэй знал, что тот не поймёт, поэтому объяснил:

— Родинки красоты не появляются сами по себе. Их «насаживают» определённым способом. С каждой новой родинкой его тело меняется. Сначала он становится раздражительным, потом вспыльчивым, а в конце концов теряет контроль и готов убивать. Всего таких родинок четыре. Когда появится четвёртая, ему конец.

Сунь Цянь потёр затылок.

— Я что-то не понимаю.

— Проще говоря, — сказал Чу Вэй, — кто-то использует «родинки красоты», чтобы обменять свою жизнь на жизнь Ван Юйдуна, украсть его судьбу.

Сунь Цянь всё ещё не понимал, но одно уловил: если бы они не спохватились вовремя, парень бы погиб.

— Видите амулет у него на шее? Это не просто украшение, а особая Проклятая табличка. И вырезана на нём не бодхисаттва, а какое-то злое божество. Именно этот талисман подавлял на нём энергию Инь, поэтому я ничего не чувствовал.

Если бы не этот амулет, Чу Вэй, возможно, ещё в школе заметил бы, что с Ван Юйдуном что-то не так.

Сунь Цянь, поняв лишь половину, спросил:

— И что нам теперь делать?

— Это просто, — ответил Чу Вэй. — Нужно найти того, кто насаживает родинки.

— А как его найти?

В этот момент Чу Вэй невольно задался вопросом, кто из них здесь полицейский.

Он всё ещё думал о подарке от Учителя, поэтому решил объяснить всё как можно быстрее.

— Во-первых, выясните, кто дал ему эту Проклятую табличку. Во-вторых, узнайте, кто девушка Ван Юйдуна. И всё.

Девушка?

В этот момент Сунь Цянь, кажется, кое-что понял.

Он примерно догадался, каким именно «определённым способом» насаживают родинки красоты.

Только вот... в таком юном возрасте уже есть девушка, и они...

Неужели нынешние дети так рано взрослеют? Он, взрослый мужчина, до сих пор один.

У Сунь Цяня появилось направление для расследования, и он уже собирался приступить к

делу, но всё же чувствовал неуверенность.

Он с надеждой посмотрел на Чу Вэя.

— Мастер Чу, не могли бы вы помочь?

Судя по описанию Чу Вэя, эта девушка определённо была не из простых смертных, иначе не было бы и речи об обмене жизнями.

С такими потусторонними делами должны разбираться профессионалы.

Сунь Цянь был уверен, что такой отзывчивый и добрый человек, как Чу Вэй, не откажет.

Но, к его удивлению, Чу Вэй, вскинув бровь, достал из кармана три или пять талисманов и сунул их в руку Сунь Цяню.

— Если столкнётесь с опасностью, используйте это. Не раздумывая, просто бросайте в неё.

Сунь Цянь застыл.

— Это... что значит?

— Это значит, что сегодня я помочь не могу. Извините.

Сказав это, он решительно развернулся и ушёл.

Уже стемнело, и он действительно должен был идти. Не хотел он больше здесь задерживаться.

Сунь Цянь смотрел на непонятные каракули на талисманах и чувствовал, что не справится. Совсем не справится.

Но когда он выбежал наружу, Чу Вэя уже и след простыл.

Что за день такой? Это же его восемнадцатилетие! Мало того, что не удалось нормально отпраздновать, так ещё и пришлось мотаться туда-сюда, заниматься всякой ерундой. И в свой день рождения оказаться в полицейском участке — что может быть хуже?

Чу Вэй брёл по улице, глядя на тысячи огней в окнах домов, и внезапно ощутил острое чувство одиночества.

Сегодня же его день рождения, а до сих пор никто не сказал ему «с днём рождения».

Хотя он и не был сентиментальным, но без этих слов день рождения казался неполным.

К счастью, скоро он встретится с Учителем.

При этой мысли вся сентиментальность тут же испарилась.

Он был таким человеком: в любой ситуации всегда находил для себя правильное состояние и уверенно шёл вперёд.

Рядом раздался автомобильный гудок, и Чу Вэй отступил в сторону.

Но машина, ехавшая рядом, казалось, не собиралась его обгонять.

Чу Вэй остановился и повернулся. И замер.

— Что застыл? Садись в машину.

Хуа Жун, положив одну руку на руль, небрежно откинулся на водительском сиденье и с улыбкой смотрел на него.

Чу Вэй показалось, что у него галлюцинации. Он же в Цзинду, как он мог здесь оказаться?

Хуа Жун остановил машину, вышел с водительского места и открыл пассажирскую дверь.

— Садись скорее, глупыш.

Чу Вэй, казалось, только сейчас пришёл в себя. Он моргнул и уставился на стоявшего рядом человека. Его потухшие было глаза вдруг засияли, отражая мириады звёзд.

— Хуа Жун, как ты здесь оказался?

Хуа Жун подтолкнул его в машину и сел за руль.

— Сегодня же твой день рождения. Не мог же я позволить ребёнку праздновать в одиночестве.

Чу Вэй шевельнулся и возразил:

— Я не ребёнок. Я уже взрослый.

Взрослый...

Эти слова, словно ключ, приковали к себе всё внимание Хуа Жуна.

Он наклонился, медленно приближаясь к Чу Вэю, и прошептал:

— Да. Теперь совершеннолетний.

Чу Вэй, не двигаясь, смотрел на него. Их взгляды встретились.

На одно мгновение Чу Вэю показалось, что он собирается... его поцеловать.

Но Хуа Жун лишь протянул руку, пристегнул ему ремень безопасности.

— Держись.

Чу Вэй смотрел на проносящиеся мимо пейзажи и спросил:

— Куда мы едем?

— На гору, — коротко ответил Хуа Жун.

Уезд Цин был горным городком. Гор здесь было много, и даже имелось несколько туристических достопримечательностей, но посетителей было мало.

Во-первых, горы были слишком высокими и трудными для восхождения. Во-вторых, место было глухим, инфраструктура не развита, а коэффициент опасности высок.

Хуа Жун повёз его на самую высокую гору.

К вершине вела широкая автомобильная дорога.

Чу Вэй, местный житель, никогда здесь не был и не знал, как человек, живущий в далёком Цзинду, мог знать о таком месте.

На вершине горы был пик, устремлённый в облака. Отсюда уезд Цин казался крошечным, а человек на вершине — ничтожно малым.

Хуа Жун припарковал машину у обочины, открыл багажник и достал палатку.

— Мы будем здесь ночевать? — с любопытством спросил Чу Вэй.

Хуа Жун, устанавливая палатку, ответил:

— Над головой — звёздное небо. Такое зрелище разве не стоит того, чтобы на него посмотреть?

Чу Вэй поднял голову. Небо в начале лета было чистым, звёзды — яркими, казалось, до них можно дотянуться рукой. Действительно, очень красиво.

Но дело было не в этом. Учитель сказал, что сегодня вечером подарит ему подарок, и он не знал, когда тот появится.

Может, стоит их познакомить?

<http://bllate.org/book/16969/1588310>